

УДК 94(47)

М.В. Шиловский

ОТВОДНЫЕ ЗАПИСИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Рассмотрен один пример землеотводной записи, которая выдавалась обществам крестьян-переселенцев из Европейской России на землях Кабинета. Документ показывает механизм воспроизводства в Сибири прежних социально-экономических отношений, бытовавших на родине крестьян. Так поступали 95% всех переселенцев в Сибирь, на основании чего автор делает вывод о том, что общинные крестьянские традиции оказывались сильнее частнособственнических инстинктов даже при ясно выраженной воле власти выделить крестьян на отруба и хутора.

Ключевые слова: переселенцы, крестьяне, община, земельная собственность.

Согласно «Положению о поземельном устройстве крестьян и инородцев, водворившихся в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской на казенных землях» от 23 мая 1896 г., наделы отводились не дворохозяевам, а сельским обществам и оформлялись специальным актом, «именуемым отводной записью» [1. С. 38]. О том, что собой представлял этот документ, можно судить по одному из них, ныне хранящемуся в фонде Главного управления Алтайского округа в Государственном архиве Алтайского края (ГААК).

Итак, «Отводная запись Томской губернии, Кузнецкого уезда, Морозовской волости, деревни Калинкиной (ныне д. Калинкино Промышленновского района Кемеровской области).

I

Надел отведен на 270 душ мужского пола, оказавшихся по исчислению к 1-му января 1913 года.

II

Во владение этой деревни отведено земли:

В земельный надел:

Удобной	3950,15 дес.
Неудобной	973,39 дес.

В лесной надел:

Леса	796,92 дес.
Удобных безлесных площадей	16,08 дес.
Неудобной	10,81 дес.

А всего земельного и лесного надела:

Удобной	4772,15 дес.
Неудобной	984,20 дес.

III

Угодья сего земельного надела состоят в единственном владении деревни Калинкиной.

IV

Земельный надел отведен в двух местах: при селении и в неприсельном отрубе.

Земля, что при селении, 5951,23 дес. удобной и 942,75 дес. неудобной, граничит: с северо-востока с землями Кабинета Его Императорского

Величества и с земельным наделом деревни Плотниковой одним пунктом; с востока и юго-востока с земельным наделом деревни Ушаковой; с юга с земельным наделом села Морозовского серединою р. Ини; с запада с лесным наделом получающего настоящую запись селения и с земельным наделом деревни Ереминой; с запада и северо-запада с земельным наделом деревни Портнягиной сначала суходолом, затем серединою речки Солодовки и вновь суходолом с земельным наделом дер[евни] по р. Искитиму (Локоть).

Неприсельный отруб, в количестве 7,92 дес. удобной и 20,64 дес. неудобной земли, отстоит от селения в 2,5 верстах и прилегает: с севера – к лесному наделу получающего настоящую запись селения; с востока – серединою р. Ини к земельному наделу села Морозовского; с юга и запада – к земельному наделу деревни Ереминой сначала серединою р. Ини, затем суходолом.

Границы надела обозначены на прилагаемом к сей записи наделном плане и известны населению по существующим в натуре межевым признакам.

V

Лесной надел отведен деревне Калинкиной в единственное владение в одном отрубе и прилегает: с северо-запада, северо-востока и востока – к присельному отрубам земельного надела получающего настоящую запись селения; с юго-востока – к земельному наделу села Морозовского серединою р. Ини; с юга – к неприсельному отрубам земельного надела получающего настоящую запись селения и с юго-запада – к земельному наделу деревни Ереминой.

Местоположение и границы лесного надела показаны на прилагаемом плане (лит. Л. Н.) и известны населению по существующим в натуре межевым признакам.

VI

VII

VIII

Показанные в настоящей записи земельные угодья крестьяне не имеют права ни отчуждать, ни обременять долгами.

IX

Запрещение отчуждать и обременять долгами распространяется и на лесной надел. Порядок пользования растущим на сем наделе лесом определен в особом приложении к настоящей записи.

X

Права на недра земли, как в земельном, так в лесном наделе, сохраняются за Кабинетом Его Величества.

XI

В черте отведенных крестьянам, согласно настоящей записи, наделов оставлены следующие участки, обозначенные на плане литерами З, Ц, З., З, Ц, Л., З, Ш. У.:

Для причта имеющего быть впоследствии возведенным храма: 1) запасный участок (усадебный), в 1,00 дес. только удобной земли при селении, 2) запасный участок (полевой) в 65,00 дес. удобной и 9,82 дес. неудобной земли в 10 верстах к северо-востоку от селения, в присельном отрубе земельного надела получающего настоящую запись селения на границе с земельным наделом деревни Ушаковой.

Для имеющего быть впоследствии возведенного храма запасный лесной участок в 20,00 дес. только удобной земли в 3 верстах к западу от селения по границе земельного надела деревни Ереминой.

Для имеющей быть впоследствии учрежденной школы: 1) запасный участок (усадебный) в 1,00 дес. только удобной земли при селении и 2) запасный участок (полевой) в 14,00 дес. только удобной земли в присельном отрубе земельного надела получающего настоящую запись селения, в 9 верстах к северо-востоку от селения на границе с земельным наделом деревни Ушаковой.

Местоположение и границы всех этих участков показаны на наделном плане и известны крестьянам по существующим в натуре межевым признакам.

XII

За отведенный по настоящей записи земельный надел крестьяне деревни Калинкиной обязаны платить оброчную подать, а за лесной надел лесной налог. Размер оклада сих налогов указан в приложении к сей записи.

За заведующего землеустройством Алтайского округа [подпись неразборчива]» [2. Л. 17–19].

Калинкинские мужики получили в среднем на ревизскую душу по 14,66 дес. удобной земли,

3,6 дес. – неудобной, 2,8 дес. лесного надела. Неудобная земля составила 13,6 % в общей площади земельного надела сельского поселения. Для сравнения земельные наделы в Сибири в среднем равнялись 13,2 дес. на ревизскую душу: они колебались от 12,4 дес. в Тобольской губернии до 15,6 дес. в Забайкальской области. Лесные наделы в среднем по региону составили 1,6 дес. на душу. Минимальными они были на кабинетских землях Томской губернии (0,7 дес.) и в Тобольской губернии (0,9 дес.) [3. С. 63, 71, 74, 75]. Большая площадь лесного надела была связана с преобладанием в местной лесной даче лиственных деревьев (береза, осина) и кустарника. Необходимые для строительства хвойные породы приходилось заготавливать за 35–50 верст от деревни по Салаирскому кряжу или в Притомье. Следует обратить внимание на то, что в землеотвод закладывалось выделение участков под церковь и школу, которых в Калинкиной к 1913 г. еще не было. При этом клир и педагогический коллектив изначально ставились в неравноправное положение. Первый получал гораздо больше пахотной земли и лесной участок, не предусмотренный для учебного заведения. Лес для его строительства и отопления должен был заготавливаться на крестьянских лесных наделах. За пользование кабинетской землей местные крестьяне должны были ежегодно выплачивать 6 руб. оброка с ревизской души (1620 руб. со всей деревни), причем 4 руб. 50 коп. из этой суммы причиталось Романовым, а 1 руб. 50 коп. – Казне.

Для организации отграничения и отвода земельных наделов создавались особые землеустроительные партии под руководством старших производителей работ. Результаты их деятельности утверждались специально образованными по земельно-устроительным комиссиями, в состав которых входили местные крестьянские начальники, податные инспектора, исправники и лесничие. На заседания органа приглашались для объяснения сельские должностные лица и уполномоченные от селений, избранные сельскими сходами в количестве от трех до шести от каждого поселения.

Собственно работа землеустроительных партий начиналась с установления точного количества наличных в селении душ путем сверки на месте представленных посемейных списков производителем работ в присутствии крестьянского начальника и при участии уполномоченных от местных жителей. Проверенные списки предъявлялись соответствующему сельскому сходу с указанием лиц, исключенных из списка с объяснением при-

чин. О предъявлении списков составлялся специальный протокол за подписью производителя работ, крестьянского начальника, сельского старосты и уполномоченных.

Съемка действительного землепользования обществ производилась в случае отсутствия планов или наличия в них серьезных ошибок. Имеющиеся планы «поверялись в натуре». Внешние границы проектируемых наделов обозначались на местности временными знаками. На планах показывалось: «1) удобные земли отдельно от неудобных; 2) в числе удобных земель – угодья, подлежащие включению в земельный надел, отдельно от сплошных лесных пространств, и 3) угодья, подлежащие обязательному сохранению в пользовании населения» [1. С. 48].

Проект отграничения земельного надела составлялся производителем работ при содействии межевых чинов и при участии лесничего. Он предъявлялся в присутствии крестьянского начальника, лесничего, сельских должностных лиц и уполномоченных сельскому сходу. Проекты, связанные с разделом угодий между селениями, предъявлялись соединенному сходу их. Одновременно предъявлялись следующие сведения: число наделяемых душ; общая площадь проектируемого земельного надела; избыток или недостаток земли, согласно 15-десятинной норме; число душ, которых нужно допринять в случае наличия излишка.

О предъявлении составлялся соответствующий акт, в который вносились прозвучавшие на сходе ходатайства и возражения с заключениями по ним крестьянских начальников и лесничих. После этого проект поступал на рассмотрение поземельно-устроительной комиссии. Ее постановления принимались большинством голосов и формулировались в виде актов, в которых обязательно отражались следующие сведения: утверждается надел на основании прежнего отвода или осуществляется по существующему пользованию; число наделяемых душ; общая площадь проектируемого земельного надела с указанием количества земли на одну душу; число душ, подлежащих обязательному допринятию; предложения по изменению существующего пользования обществом с соответствующей аргументацией; ходатайства населения и предложения, направляемые в общее присутствие губернского управления с соответствующей аргументацией комиссии по поводу их принятия или отклонения; ходатайства и заявления населения, которые остались неудовлетворенными комиссией, с ее аргументацией по этому поводу.

Окончательно проект утверждался общим присутствием губернского правления. Все воз-

никшие при этом жалобы и протесты как со стороны крестьянских обществ, так и представителей различных ведомств разрешались в общепризнанном порядке вплоть до Правительствующего сената. Окончательно утвержденный проект отграничения надела возвращался производителю работ «для исполнения в натуре», т. е. соответствующими знаками на местности.

На основе утвержденного проекта производителем работ с помощью членов землеустроительных партий и поземельно-устроительных комиссий составлялась отводная запись для каждого селения отдельно на стандартном бланке с государственным гербом в двух экземплярах. Она оглашалась на сельском сходе в присутствии производителя работ, крестьянского начальника и уполномоченных от сельского общества. Если при оглашении крестьяне не высказывали возражений, то документ признавался окончательно утвержденным, что фиксировалось соответствующим актом, и на основании его производилась выдача отводной записи.

В случае возражений со стороны участников сельского схода или в целом по поводу документа, или отказа подписать его об этом составлялся специальный акт, который вносился на рассмотрение общего присутствия губернского управления. Одновременно сельское общество в трехмесячный срок имело право подать по этому поводу жалобу туда же непосредственно или через крестьянского начальника. Общее присутствие принимало окончательное решение по существу вопроса, и жалобы на его постановления в Сенат допускались лишь в случае превышения власти или явного нарушения закона.

К 1915 г. на казенных землях Томской губернии площадь окончательно отграниченных наделов составила 2960520 дес., или 57,5 %; на землях Кабинета – 100 % [3. С. 63]. Вслед за отграничением наделов сельских обществ должен был начаться новый этап землеустроительных работ в Сибири, связанный с внутринадельным размежеванием. Этот процесс получил развитие с 1908 г. и существенно отличался от столыпинской попытки разрушить крестьянскую поземельную общину в Европейской России. На Сибирь не распространялось действие Указа от 9 ноября 1906 г., Закона от 14 июня 1910 г. и Положения о землеустройстве от 29 мая 1911 г. Здесь внутринадельное размежевание производилось в порядке статей 62 и 66 Общего положения о крестьянах за счет средств самого населения и по просьбам самих крестьян, принятых с согласия не менее 2/3 полноправных членов сельского общества частными или казен-

ными землеустроителями. Всего с 1911 по 1916 г. в Тобольской губернии было размежевано частными землемерами за счет ссуды 86 селений и казенными – 69 на площади 581545 дес. В Томской губернии к 1914 г. за счет ссудного кредита вернулись работы по внутринадельному размежеванию в 933 селениях на площади 4686982 дес. [4. С. 48].

В ходе землеустройства старожилы потеряли 17,6 % своих угодий, не считая отрезков, изъятых переселенческими партиями для образования переселенческих участков. «По своим масштабам узурпация земель сибирских крестьян может сравниться с поземельным устройством крестьян в Европейской России, начатых с реформы Киселева и завершенных реформой 1866 г. Но если в европейском центре этот процесс занял полвека, то в Сибири он произошел в несколько лет и резко отразился на складе земельных отношений местного крестьянства», – замечает М.Т. Когут [5. С. 127].

В рамках внутринадельного размежевания ставка делалась на хутора и отруба. Если в 1907 г. выделяется 120 переселенческих единоличных участков, в 1910 – 597, то в 1911 г. – 5962 хуторских и 580 отрубных участков. К 1916 г. по четырем сибирским губерниям подготовили 10109 участков единоличного пользования, из них заселили только 5508. Из всей массы новоселов в Азиатской России только 5 % водворились на хуторах и отрубях. 290 тыс. старожильческих дворов в регионе, или четвертая часть, возбудили ходатайства о внутринадельном размежевании. К 1916 г. организовали 72 тыс. хуторов и отрубов на площади 2,6 млн дес. из 30 млн дес., принадлежавших старожилам (менее 9 %) [6. С. 26]. Не получило широкого распространения в Сибири частное землевание. Однако с ростом переселенческого движения и развитием сельскохозяйственного предпринимательства количество торговых сделок на землю возрастает. Так, в Акмолинской области их сумма увеличилась с 4,9 млн руб. в 1901 г. до 27 млн руб. в 1909 г. К 1911 г. 105 участков из 268, принадлежавших офицерам и генералам Сибирского казачьего войска, были проданы [9. С. 100].

Тем не менее организация и проведение землеустроительных работ, несмотря на все недостатки и издержки, заслуживают высокой оценки и тщательного изучения с целью использования наработок того времени в условиях проведения современной земельной реформы. Что касается отношения к анализируемому мероприятию сибирского крестьянства, то оно (старожилы, новоселы, аборигены) решительно и последовательно боролось против изъятия «излишков» при землеу-

стройстве. В архивах сохранилось громадное количество прошений и жалоб по этому поводу. При этом проявлялись чудеса изворотливости, прекрасное знание законов, элементы социальной демагогии и использовались пассивные методы сопротивления проведению землеустроительных работ (бойкот межевания, отказ принимать урезанные наделы и др.) [5. С. 129–133; 8. С. 38–39].

Аграрная реформа не была поддержана снизу. В ходе «игры в хутора» и «похода на общину» произошел не ее распад, а укрепление. В борьбе с правительственным «землерасстройством» крестьяне активно использовали общину и, в известной степени, реанимировали в начале XX в. этот институт традиционного общества. Как установили барнаульские историки, «укрепление земли в подворное владение, интенсивно происходившее в период проведения столыпинской реформы, было не столько следствием разложения общины и роста буржуазно-индивидуалистских настроений среди крестьянства, сколько результатом стремлений крестьян в условиях массового наплыва переселенцев из Европейской России оградить свои земли от перераспределения в пользу прибывших переселенцев» [9. С. 30].

Собственно, и переселенцы предпочитали в большинстве своем общинные порядки [10. С. 98, 100], и славянско-православная колонизация сопровождалась переносом на новые территории такого важного атрибута российской цивилизации, как корпоративность, т. е. общинной организации [11. С. 169]. Поэтому крестьянство Сибири связывало свои надежды на достаток прежде всего с наличием в избытке пригодной для сельскохозяйственной деятельности земли. В связи с этим ограничение наделов воспринималось как реальная угроза благополучию и вызывало противодействие всего сельского мира вне зависимости от социальной дифференциации, конфессиональной или национальной принадлежности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сибирские переселения. Документы и материалы.* Новосибирск, 2003. Вып. 1.
2. *Государственный архив Алтайского края (ГААК).* Ф. 4. Оп. 1. Д. 5149.
3. *Храмков А.А.* Земельная реформа в Сибири (1896–1916 гг.) и ее влияние на положение крестьян: Учеб. пособие. Барнаул, 1994.
4. *Минчжуренко А.В.* Внутринадельное межевание в переселенческих поселках Западной Сибири в годы столыпинской аграрной реформы // *Аграрные отношения и земельная политика царизма в Сибири (конец XIX в. – 1917 г.).* Красноярск, 1982.
5. *Когут М.Т.* Отношение сибирских крестьян к земельной политике правительства как проявление ментальности

российского крестьянства (1896–1917 гг.) // Проблемы историографии и истории. Омск, 2002.

6. Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Сельское хозяйство Сибири в 1890–1920-е гг. Новосибирск, 2007.

7. Вибе П.П. Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект. Омск, 2007.

8. Шиловский М.В. Влияние массовых переселений конца XIX – начала XX в. на землевладение аборигенных этносов Сибири // Традиции экономических, культурных и общественных связей стран Содружества (история и современность). Омск, 2003. Вып. 2.

9. Разгон В.Н., Колдаков Д.В., Пожарская К.А. Демографическое и хозяйственное развитие западных волостей Алтайской губернии в начале XX в (анализ базы данных крестьянских хозяйств по сельскохозяйственной переписи 1917 г.) // Демографическое и хозяйственное развитие алтайской деревни во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах массовых источников). Барнаул, 2002.

10. Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966.

11. Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века. М., 2004.